

18+

ДИНА УАЙТ

УКРАДИ МЕНЯ У НЕГО

Дина Уайт

Укради меня у него

«Издательские решения»

Уайт Д.

Укради меня у него / Д. Уайт — «Издательские решения»,

Три года она живёт с человеком, которого все считают идеальным. На людях он — воплощённая мечта. Дома — тот, кого она боится больше всего на свете. Она пыталась уйти. Он возвращал её снова и снова. Он — владелец охранной империи, человек с тёмной репутацией и единственным принципом: долги нужно платить. Когда её жених отказывается возвращать два миллиона, он наносит удар по самому ценному. Забирает её. Она не кричит. Не умоляет. Она говорит: «Я не боюсь». И эта встреча меняет всё.

© Уайт Д.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. КЛЕТКА	6
Глава 3. Долг	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Укради меня у него

Дина Уайт

© Дина Уайт, 2026

ISBN 978-5-0070-5969-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. КЛЕТКА

Глава 1. Идеальная пара

Зал сиял.

Хрустальные подвески трёх огромных люстр

дробили свет на сотни острых искр, белые скатерти пахли крахмалом, шампанское лилось в тонкие бокалы без единого всплеска — официанты здесь не ошибались. Благотворительный вечер Фонда Хейза собирал цвет города четвёртый год подряд, и четвёртый год подряд всё было безупречно.

Как и девушка, стоявшая у плеча хозяина вечера.

Эйвери Брукс держала бокал с шампанским, к которому не притронулась ни разу. Платье цвета слоновой кости обнимало её фигуру, открывая плечи и ключицы — ровно настолько, чтобы выглядеть элегантно, но не вызывающе. Уоррен выбрал его сам. «Тебе идёт, — сказал он, когда портной застегнул молнию на её спине. — Скромно и дорого. Никакой вульгарности». Она запомнила это

слово. Вульгарность. Всё, что ему не нравилось, рано или поздно становилось вульгарным. Её старые джинсы, её смех, её подруги — всё это было вульгарным, и он мягко, терпеливо, неумолимо убрал это из её жизни.

Теперь она стояла, прямая как струна, и улыбалась. Мышцы лица давно запомнили нужное положение: уголки губ приподняты, глаза чуть сощурены, голова наклонена ровно настолько, чтобы выглядеть заинтересованной, но не подобострастной. Она тренировалась перед зеркалом. Уоррен сказал, что это важно.

— Эйвери, дорогая.

Его ладонь легла на талию. Пальцы сомкнулись — не сильно, но достаточно,

чтобы она почувствовала каждую фалангу. Он всегда держал её так на людях: властно и нежно одновременно. Жест мужчины, который обожает свою женщину и чуть-чуть боится её потерять. Эйвери когда-то в это верила. Когда-то.

— Мистер Грэйсон, — Уоррен ослепительно улыбнулся пожилому джентльмену с багровым лицом и седыми висками, — позвольте представить мою невесту, Эйвери.

Она протянула руку. Пальцы у неё были холодными — единственное, что она не могла контролировать. Кровообращение. Или страх. Иногда это одно и то же.

— Очаровательна, — мистер Грэйсон приложился губами к её костяшкам. — Уоррен, дружище, как тебе повезло.

— Я знаю.

Пальцы на талии сжались крепче. На одно биение сердца. На долю секунды дольше, чем нужно. Эйвери перестала дышать.

Мистер Грэйсон ничего не заметил. Никто никогда не замечал.

У противоположной стены, вполоборота к бару, стоял мужчина и смотрел на них.

Коул Шоу приехал без приглашения и без спутницы, что было для него обычным делом. Его не интересовали благотворительные аукционы, светские беседы и шампанское, которое здесь

подавали тёплым, — он предпочитал воду. Единственной причиной, приведшей его в этот зал, был короткий разговор, который он планировал провести до начала официальной части.

Он уже знал, что Уоррен Хейз не отдаст долг.

Коул видел таких людей десятки раз. Они улыбались, кивали, обещали «буквально на следующей неделе» — и тянули месяцами, надеясь, что кредитор устанет ждать, сорвётся на грубость, ошибётся. И тогда можно будет выставить себя жертвой обстоятельств, а его — бессердечным псом, который требует своё. Уоррен был мастером этого жанра. Коул прочитал его в первый же день, когда они подписывали договор.

Сейчас он смотрел на Уоррена. И на девушку

рядом с ним — красивую, холодноватую, безупречную. Она улыбалась так ровно, что это казалось почти профессиональным. Коул мысленно присвоил ей ярлык: трофей. Очередная спутница богатого наследника — модельная внешность, дорогое платье, пустой взгляд. Такие всегда выглядят одинаково.

Он допил воду и направился к выходу. Данте ждал у двери.

— Шоу, — окликнули его.

Коул обернулся. Уоррен Хейз собственной персоной, с бокалом в руке и улыбкой, в которой было ровно столько тепла, сколько в витрине ювелирного магазина.

— Рад, что ты выбрался. Надеюсь, шампанское достойное?

— Я не пью шампанское, — ответил Коул.

— Ах да, точно. Ты у нас аскет. — Уоррен улыбнулся шире. — Слушай, насчёт нашего дела... я помню, я в курсе. Ещё пара недель, и всё закроем. Сам понимаешь, бизнес, форс-мажоры, то-сё.

— Понимаю.

— Вот и отлично. — Уоррен хлопнул его по плечу — фамильярно, чуть дольше, чем позволяло их шапочное знакомство. — Ты же знаешь, я всегда плачу по счетам.

Коул ничего не ответил. Он перевёл взгляд на девушку. Она стояла в паре шагов позади Уоррена, всё с той же застывшей улыбкой, и смотрела куда-то мимо. Красивая фарфоровая кукла.

— Моя невеста, Эйвери, — представил Уоррен, заметив его взгляд. — Дорогая, это Коул Шоу. Мой деловой партнёр.

— Бывший партнёр, — поправил Коул.

— Не будь занудой. — Уоррен рассмеялся и приобнял Эйвери за плечи. Она не отстранилась, не напряглась — просто приняла жест как данность. — Ну, мы пойдём. Ещё нужно поприветствовать мэра. Рад был увидеться.

Коул кивнул. Уоррен увлёк девушку в глубину зала, и она пошла за ним — всё с той же пластикой, плавной и безжизненной.

— Проблемный клиент? — негромко спросил Данте, когда они вышли в холл.

— Не клиент. Должник. — Коул накинул пальто. — И он не собирается платить.

— Что будем делать?

Коул остановился у выхода и бросил последний взгляд на зал через стеклянные двери. Уоррен Хейз стоял в центре толпы, ослепительный и уверенный в своей неприкосновенности. Рядом с ним застыла его безупречная невеста — трофей в платье цвета слоновой кости.

— У него есть то, чем он дорожит, — сказал Коул. — Если не платит деньгами — заплатит другим.

— Девушкой? — уточнил Данте.

Коул пожал плечами:

— Посмотрим.

Вечер тянулся, как патока. Эйвери переходила от одной группы гостей к другой, чувствуя спиной взгляд Уоррена. Он всегда следил за ней — даже когда разговаривал с мэром, даже

когда смеялся над чужой шуткой, даже когда подносил бокал к губам. Его внимание было невидимой цепью, прикованной к её запястью.

— Ещё шампанского, мисс Брукс?

Официант возник слева. Молодой парень с рыжеватыми волосами и россыпью веснушек на носу. Он улыбнулся ей — просто улыбнулся, как улыбаются всем гостям, — и Эйвери машинально улыбнулась в ответ.

Этого хватило.

Она не заметила, как Уоррен закончил разговор. Не услышала его шагов. Просто в какой-то момент его пальцы сомкнулись на её локте, и он наклонился к уху.

— Ты флиртуешь с прислужгой?

Голос — бархат. Услышь кто со стороны, решил бы, что он шепчет нежность. Эйвери знала этот тон. Холодный. Опасный.

— Я просто...

— Молчи. Улыбайся. Мы уходим через пятнадцать минут.

Он отпустил её локоть и снова стал идеальным. Поправил запонку, кивнул кому-то через зал, рассмеялся чужой шутке. Эйвери стояла с бокалом в руке и считала про себя. Раз, два, три — вдох. Четыре, пять, шесть — выдох. Семь, восемь, девять...

Пятнадцать минут. Она продержится.

Машина мягко шуршала шинами по мокрому асфальту. За окном проплывали огни вечернего города — жёлтые, красные, синие, — но Эйвери смотрела только на руки Уоррена. Он вёл машину и молчал.

Молчание было хуже крика. Когда он молчал, это значило, что он зол. А когда он зол, любое её слово становилось спичкой, брошенной в бензин. Эйвери научилась не говорить первой. Научилась ждать.

— Ты знаешь, зачем я устраиваю эти вечера, Эйвери?

— Для фонда, — ответила она тихо. — Благотворительность.

— Для статуса, — поправил Уоррен. — Статус — это всё. Люди должны видеть идеальную картину: успешный мужчина, его преданная женщина, их безупречная жизнь. Это вызывает доверие. Доверие приносит деньги. Всё просто.

Эйвери молчала.

— А когда женщина этого мужчины улыбается официантам, — он вывернул руль, и машина свернула на их улицу, — она разрушает картину. Понимаешь?

Да. Она понимала.

Он припарковался у дома и заглушил двигатель. Тишина стала плотной, как вода на глубине. Уоррен повернулся к ней. Свет уличного фонаря упал на его лицо, и Эйвери увидела то, чего не видел никто другой: глаза без тепла. Ни искры. Ни жалости.

— Ты сегодня ошиблась дважды, — сказал он. — Первый раз — с официантом. Второй — когда смотрела на Шоу.

Она вздрогнула. Он заметил. Конечно, заметил.

— Кто это? — спросила она, хотя знала: её вопросы не приводят ни к чему хорошему.

— Никто. — Уоррен отстегнул ремень безопасности и потянулся к её лицу. Пальцы коснулись щеки, прошли вниз, к шее, и замерли. Не сжались. Просто лежали — угроза без действия. — Просто человек, который думает, что может что-то у меня забрать.

Он убрал руку и вышел из машины.

Эйвери осталась сидеть. Раз, два, три — вдох. Четыре, пять, шесть — выдох. Где-то в груди, под слоем страха и выученной покорности, билась тонкая жилка. Слабый, едва уловимый пульс. Она слушала его и

думала о том, что когда-то — кажется, в другой жизни — этот пульс был громче. Она вышла из машины и пошла к дому.

Дверь закрылась за спиной с мягким щелчком. Уоррен стоял в прихожей, снимая часы. Rolex Day-Date, платина. Браслет скользнул по запястью с тихим звоном.

Этот звук Эйвери ненавидела больше всего.

— Иди в спальню. Сегодня ты спишь одна. Подумай о своём поведении.

Он не запер дверь. Она всё равно не вышла.

Эйвери достала из-за комода дневник — чёрную тетрадь на пружине, потёртую, с загнутыми уголками. Села на пол, привалившись спиной к кровати, и начала писать при свете телефона.

«Сегодня он не ударил. Он просто сказал, что я разрушаю картину. Я — деталь. Как часы. Как запонка. Меня можно поправить, если я съехала. Меня можно наказать, если я сломалась.

В зале был человек по фамилии Шоу. Уоррен сказал, что он хочет что-то у него забрать. Интересно, что именно. Может быть, если бы кто-то действительно что-то забрал у Уоррена, он бы понял, каково это — терять.

Хотя нет. Он не поймёт. Такие, как он, не понимают».

Она закрыла дневник и спрятала его обратно. Легла в кровать, не сняв платье.

За окном шёл дождь. Эйвери слушала, как капли бьют по стеклу, и думала о том, что завтра будет такой же день. И послезавтра. И через год.

Где-то в груди билась тонкая жилка.

Она всё ещё билась.

Глава 2. Три попытки

Утро началось с тишины.

Эйвери проснулась рано — привычка, въевшаяся за три года. Уоррен вставал в шесть, и к этому моменту на кухне должен был стоять свежий кофе. Не растворимый, не из капсульной машины — сваренный вручную, в стеклянной колбе, ровно той температуры, которую он предпочитал. Она научилась чувствовать её без термометра.

Она спустилась на кухню босиком, всё ещё в платье с вечера. Ткань помялась, но ей было всё равно. До его пробуждения оставалось пятнадцать минут.

Кофе. Тосты. Авокадо — размять ровно так, как он любит. Яйцо-пашот — желток должен вытекать, но не растекаться по тарелке. Она делала это на автомате, как делала каждое утро. Руки помнили порядок действий, голова была пустой.

В шесть пятнадцать на лестнице слышались шаги.

Уоррен вошёл в кухню в тёмно-синем халате, свежий после душа, пахнувший дорогим мылом и чем-то цитрусовым. Волосы уже уложены. Ни одной выбившейся пряди.

— Доброе утро, — сказал он, усаживаясь за стол.

— Доброе утро, — отозвалась она, ставя перед ним тарелку.

Он не посмотрел на неё. Взял нож, разрезал тост, макнул в желток. Эйвери стояла у стойки, ожидая вердикта.

— Кофе слишком горячий, — заметил он, не поднимая глаз.

— Прости, — сказала она.

Больше он ничего не сказал. Она налила себе чашку и осталась стоять. Садиться без приглашения не стоило.

В кухне работал телевизор — деловые новости. Ведущая с идеальной укладкой перечисляла котировки, а Эйвери слушала шум дождя за окном.

— Сегодня я уеду до вечера, — сказал Уоррен, отодвигая тарелку. — Ужин в семь. Не опаздывай.

— Хорошо.

— И надень что-нибудь приличное. Приедет Фостер с женой.

— Хорошо.

Он поднялся, одёрнул халат и направился к выходу. У двери остановился, не оборачиваясь.

— Вчера ты была почти безупречна. Почти. Постарайся сегодня быть безупречной полностью.

— Я постараюсь.

Он ушёл. Эйвери опустилась на стул и сделала глоток кофе. Он был не слишком горячим. Он был идеальным. Но она не стала этого говорить.

Когда Уоррен уехал, дом стал другим.

Эйвери давно разучилась чувствовать

свободу. Но воздух делался чуть легче, тишина — чуть менее давящей. Она могла открыть холодильник и съесть йогурт, не выслушивая комментариев о сахаре и лишних калориях. Могла не улыбаться.

В такие часы она иногда доставала дневник.

Она всегда носила его с собой, когда выходила из дома. Уоррен не знал о дневнике — она прятала его на верхней полке комода, за старыми коробками, но рисковать не хотела. Если он когда-нибудь найдёт его... Она не знала, что будет. Знала только, что ничего хорошего. Поэтому дневник всегда лежал в её сумке — на дне, под кошельком и телефоном, завернутый в шарф. Маленькая чёрная тетрадь на пружине. Единственное, что принадлежало только ей.

Год назад. Запись первая.

«Я ухожу.

Я больше не могу. Сегодня он сказал, что я никто. Что без него я бы пропала. Что он подобрал меня с улицы и сделал человеком. Я стояла и слушала, и где-то внутри всё сжималось в точку.

Я не с улицы. Я окончила колледж. У меня была работа. У меня были друзья. Он стёр всё это — одного за другим, медленно, как ластиком. И я позволила. Я думала, это любовь.

Завтра, когда он уедет на встречу, я соберу

сумку. Только самое необходимое. Документы, телефон, немного денег. Я сниму номер в мотеле и позвоню Лекси. Она поможет.

Я ухожу. Я правда ухожу.

Господи, пусть у меня получится».

Эйвери помнила тот день. Как ждала, пока его машина скроется за поворотом. Как достала старую спортивную сумку. Как сложила джинсы, свитер, бельё. Документы. Телефон. Тысяча двести долларов — всё, что удалось спрятать за два года.

Она вызвала такси и ждала у окна. Сердце колотилось так громко, что ей казалось — он услышит его с другого конца города.

Такси подъехало. Она открыла входную дверь.

И увидела его машину.

Уоррен вернулся — забыл телефон. Он вышел из автомобиля, посмотрел на неё, на сумку, на такси за её спиной. И улыбнулся. Не зло. Устало. Как улыбаются непослушному ребёнку.

— Эйвери, — сказал он мягко. — Что ты делаешь?

— Я ухожу, — ответила она. Голос дрожал, но она договорила до конца. — Я больше не могу, Уоррен. Я ухожу.

Он подошёл ближе. Взял её за плечо — крепко, но не грубо. Заглянул в глаза.

— Ты нестабильна, — сказал он. — Посмотри на себя. Ты дрожишь. Ты бледная. Куда ты поедешь в таком состоянии? Кому ты там нужна?

— Я...

— Останься. — Его голос был бархатом. — Я помогу тебе прийти в себя. Ты переутомилась, это бывает. Мы справимся.

Он обнял её. Прижал к себе. И она стояла, уткнувшись лицом в его пальто, и чувствовала, как уходит воздух. Не из лёгких — из воли. Из позвоночника. Из того места, где билась тонкая жилка.

Такси уехало. Она осталась.

Вечером он подарил ей браслет с бриллиантом. Сказал: «Я люблю тебя даже такой — сломленной. Я тебя почию».

Синяк на плече сошёл через две недели.

Эйвери захлопнула дневник и убрала его в ящик комода. Прошное не хотело оставаться на страницах — оно просачивалось в настоящее, как вода сквозь трещину. В дневнике были ещё две записи о побегах. И все три заканчивались одинаково.

Она осталась.

Она всегда оставалась.

Эйвери встала и подошла к окну. Дождь кончился, но небо оставалось серым. В доме напротив зажёгся свет — кто-то жил своей обычной жизнью. У неё когда-то была такая.

Теперь у неё была только кухня, которую нужно убрать до его возвращения, и ужин на семь, и платье — «что-нибудь приличное». Она отошла от окна и принялась за дело.

Где-то в груди продолжала биться тонкая жилка.

Она всё ещё билась.

Глава 3. Долг

Коул Шоу не любил ждать.

В его бизнесе ожидание означало уязвимость. Уязвимость означала потери. А потери он не терпел с тех пор, как в девятнадцать лет потерял мать и поклялся себе, что больше никогда не окажется в ситуации, когда что-то зависит не от него.

Сегодня он ждал уже двадцать минут.

Переговорная в Hayes Properties была выдержана в бежевых тонах — дорого, стерильно, безлико. На стенах висели фотографии небоскрёбов, которыми владела компания. На столе — графин с водой и два стакана. Коул к воде не притронулся. Он сидел, откинувшись в кресле, и крутил в пальцах старую зажигалку — привычка, от которой он так и не избавился, хотя бросил курить пять лет назад.

Дверь открылась. Вошёл Уоррен.

— Коул! — Он сиял. Белая рубашка, дорогой костюм, идеальная укладка. — Прости, что заставил ждать. Совещание затянулось, сам понимаешь.

— Понимаю.

Уоррен сел напротив, поправил запонки, налил себе воды. Каждое его движение было плавным, отрешённым.

— Итак, — начал он, делая глоток, — ты хотел поговорить о нашем деле.

— Я хотел поговорить о долге, — поправил Коул. — Срок прошёл месяц назад.

— Месяц и четыре дня, — уточнил Уоррен с улыбкой. — Я считаю.

— Тогда тем более.

Уоррен вздохнул и поставил стакан.

— Коул, я буду с тобой откровенен. У меня кассовый разрыв. Деньги есть, но они заморожены в сделке. Ты же знаешь, как это бывает: один контракт тянет за собой другой, платежи задерживаются... Ничего фатального, но нужно время. Пара недель.

— Ты говорил то же самое месяц назад.

— И я был уверен, что закрою вопрос раньше. — Уоррен развёл руками. — Но форс-мажоры, что поделать.

Коул молчал. Зажигалка перестала крутиться в пальцах и замерла.

— Ты знаешь, зачем я пошёл на этот договор, — сказал он наконец. — Ты предложил хороший проект, я дал деньги. Никаких банков, никаких гарантий. Просто слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.